
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XIII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 235-летию со дня рождения И. Я. Шмидта (1779—1847)

St. Petersburg
2014

Р. Ю. Почекаев

Казахские ваны и гуны: «монгольский опыт» империи Цин как альтернатива российскому управлению в Казахстане второй половины XVIII—середины XIX в. (правовые аспекты)¹

В статье дается характеристика правовых аспектов взаимоотношений империи Цин с казахскими правителями во второй половине XVIII—середина XIX в. Автор приходит к выводу, что китайские власти строили свою политику по отношению к казахам, используя опыт управления Монголией, широко опираясь на правовые акты, регулировавшие статус их монгольских вассалов. Многовековая китайская практика управления кочевыми вассалами имела достоинства и недостатки и поначалу являлась привлекательной для казахских правителей, однако со временем преимущества российского правления в Казахстане стали более очевидны, и империи Цин пришлось уступить Российской империи контроль над Казахстаном.

Ключевые слова: Империя Цин, Монголия, казахские ханства, Российская империя, кочевые вассалы, китайское право для монголов, правовая политика.

В середине XVIII в. империя Цин, разгромившая и ликвидировавшая Джунгарское ханство в Западной Монголии, сочла себя его правопреемником в отношении казахских территории, на которые прежде претендовали правители Джунгарии. Однако ко времени падения Джунгарского ханства (1757—1758) казахские жузы уже около двух десятилетий находились в подданстве Российской империи, которое впервые приняли в 1731 г. Таким образом, в Казахстане столкнулись интересы России и Китая, что стало частью более широкого противостояния двух империй в борьбе за контроль над Центральной Азией.

Именно в таком широком контексте чаще всего рассматривают противостояние империи Цин и Российской империи в борьбе за контроль над Казахстаном исследователи [Мелихов, 1974; Моисеев, 1991; 1998; 2003; Løvold, 2009]. Некоторые, впрочем, затрагивают вопросы китайского продвижения в Казахстан в контексте общей политики Китая в «Западном крае»² [Courant, 1912; Perdue, 2005; The Cambridge History, 2009. P. 333—362]. Соответственно, политика империи Цин в Казахстане предстает лишь как эпизод в рамках глобальной политики противостояния двух империй и сводится, как правило, к изучению взаимоотношений китайских вла-

стей и отдельных казахских правителей. Именно в таком контексте рассматривали китайскую политику в отношении Казахстана дореволюционные [Андреев, 1998. С. 35—44; Левшин, 1996. С. 174—177; Валиханов, 1985. С. 114—115] и советские [Кутлуков, 1982; Моисеев, 2003] авторы. Не уделили этой теме должного внимания и собственно казахстанские исследователи, такие, например, как Н. Г. Аполлова, С. З. Зиманов и Е. Б. Бекмаханов, для которых китайское влияние в Казахстане не представляло интереса, поскольку не отражалось на внутренней политике, социально-политической структуре, экономических отношениях и пр. [Аполлова, 1960. С. 415—419; Бекмаханов, 1957. С. 132; Зиманов, 1960. С. 100]. Таким образом, в большинстве работ, посвященных истории Казахстана имперского периода, борьба империи Цин за сюзеренитет над казахами констатируется как некий факт, не привлекающий дальнейшего внимания специалистов.

Попытки более предметно рассмотреть китайскую политику в Казахстане предпринимали лишь отдельные исследователи. В частности, казахстанская исследовательница К. Ш. Хафизова ввела в научный оборот большое число ценных исторических документов [Цинская империя, 1989а; 1989б; Китайские документы, 1994] и опубликовала на их основе ряд исследовательских работ о цинско-казахских отношениях [Хафизова, 1973; 1995а; 1995б; 2007], правда, в большей степени сконцентрировавшись на дипломатической составляющей исследуемых событий. Также взаимоотношениям казахских правителей с властями империи Цин в XVIII—XIX вв. посвяти-

¹ Статья выполнена при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг. в рамках проекта № 14-01-0010.

² Западный край (Синюй) — государства и народы к западу от Средней империи, вошедшие в сферу интересов Китая во II в. до н. э. [Хафизова, 1995б. С. 1].

ли специальное исследование японские специалисты Д. Нода и Т. Онума [Noda, Onuma, 2010], которые опубликовали оригиналы и переводы на английский язык еще ряда документов (послания казахских ханов и султанов цинским властям) из китайских архивов, впрочем, больше внимания уделив историко-филологическому анализу этих текстов³. Как бы то ни было, благодаря этим исследователям в распоряжении специалистов имеется большое число источников, позволяющих более подробно и в различных аспектах рассмотреть политику империи Цин в Казахстане в период, когда он уже признавал российский сюзеренитет.

В настоящем исследовании предпринимается попытка осветить правовые аспекты политики империи Цин в Казахстане в середине XVIII—середине XIX в., дать общую характеристику правовой базы и статуса казахских правителей как подданных империи Цин. В итоге автор статьи постарается дать ответ на вопрос, почему же Китаю в течение целого века удавалось довольно успешно развивать свои отношения с Казахстаном, несмотря на то что казахские правители юридически являлись подданными российских императоров.

Надо сказать, что и Россия и Китай имели многовековой опыт взаимоотношений с кочевыми подданными. Так, еще со второй половины XV в. Московское государство начало предъявлять претензии на геополитическое наследие Золотой Орды, в течение последующих нескольких веков присоединив к своим владениям практически все ее бывшие территории — Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, Ногайскую Орду, а к концу XVIII в. — и Крым; частью этой политики стало и принятие в подданство Казахстана. Таким образом, уже с XV—XVI вв. российские власти начали вырабатывать политику интеграции в состав своего государства кочевых народов и государств с учетом их специфики.

Что же касается «Срединного государства», то его опыт взаимодействия с кочевыми народами и установления сюзеренитета над ними был еще более давним и, соответственно, прошел многовековую проверку временем на эффективность. История этого взаимодействия началась еще в I в. до н. э., когда империя Хань установила сюзеренитет над частью государства Хунну, превратив его в своеобразного «федерата». В середине VII в. н. э. империя Тан аналогичным образом сосредоточила контроль над Западным Тюркским каганатом; наконец, в XII в. ряд монгольских племен находился в зависимости от чжурчженской империи Цзинь, пока завоевания Чингис-хана не положили ей конец [Барфилд, 2009. С. 114—115, 232, 285, 293; Кляшторный, Султанов, 2009. С. 85, 120, 212; Кычанов, 2010. С. 36—38, 142,

209—210]. Поэтому когда империя Цин в XVII в. добилась признания своего сюзеренитета со стороны сначала Южной, а затем и Северной Монголии (Халхи), ее правители выстраивали отношения со своими новыми кочевыми вассалами уже на основе весьма давней политико-правовой традиции⁴.

Ко времени событий, ставших предметом исследования настоящей работы, наиболее ярко этот опыт выстраивания отношений с кочевыми подданными кристаллизовался в цинской политике по отношению к монголам в XVII—XIX вв. На наш взгляд, в Казахстане использовались именно те же механизмы, которые Цин с успехом применяла в Монголии, надеясь, что и казахские кочевники, чье государственное и социальное устройство, система правоотношений и культурных ценностей имели немало общего с монгольскими кочевниками [Левшин, 1996. С. 137]. Считаю целесообразным дать общую характеристику правовой политики Китая в Монголии, выяснить, какие из правовых средств, использовавшихся в отношениях с монголами, были задействованы в отношении казахов, а затем сравнить правовую политику Китая в Казахстане с правовой политикой Российской империи.

Правовая основа, т. е. комплекс правовых источников, регулировавших взаимоотношения между империей Цин и ее монгольскими вассалами, хорошо известна исследователям. Поначалу эти отношения оформлялись посредством межгосударственных договоров [Cleaves, 1986; Di Cosmo, 2012. P. 179], а затем — в виде императорских указов монгольским правителям, которые впоследствии были сведены в первую кодификацию «китайского права для монголов», известную под названием «Цааджин бичиг» [Цааджин бичиг, 1998]. С конца XVII в. и в течение почти всего XVIII в. китайско-монгольские отношения строились на основе этого законодательного свода, который лишь в самом конце XVIII в. был заменен другой кодификацией — «Уложением Палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзэ-ли»), которое неоднократно редактировалось (в 1789, 1815, 1826 и 1832 гг.) и даже дважды издавалось на русском языке — Н. Я. Бичуриным (о. Иакинфом) [Бичурин, 1828. С. 203—339] и С. В. Липовцевым, завершившим работу над переводом, начатым В. С. Новоселовым по поручению сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского [Липовцев, 1828; Хохлов, 2002]. Надо сказать, что само ведомство Лифаньюань изначально создавалось как орган по управлению монгольскими подданными, даже его оригинальное название было «Палата по управлению делами Внешней Монголии», и лишь со временем его компетенция была распространена также на Внут-

³ Выражаю глубокую признательность Д. Нодэ, любезно приславшему мне экземпляр своей книги (написанной в соавторстве с Т. Онумой), в которой опубликованы переводы писем казахских ханов и султанов цинским властям, ставшие одним из важнейших источников при написании данной статьи.

⁴ Благодарю С. Г. Кляшторного, обратившего мое внимание на тот факт, что политика Китая по отношению к кочевым подданным имеет столь давние корни и что китайско-монгольские отношения XVII—начала XX в. (равно как и китайскую политику по отношению к Казахстану) следует рассматривать именно как проявление преемственности древних традиций.

ренною Монголию, Джунгарию, Тибет и Кукунор и Восточный Туркестан [Халха Джирум, 1965. С. 91, 110; Пюрбеев, 2012. С. 23].

«Цааджин бичиг» и «Лифаньюань цзэ-ли» содержат немало положений, посвященных порядку интеграции монгольских правителей различных уровней — правителей аймаков, хошунов и пр. — в имперскую сановную иерархию, присвоению им званий ванов, гунов, тайджи различных степеней и связанным с этими званиями последствиям (атрибуты власти, жалованье, обязанность появляться при дворе, ответственность за невыполнение законов и поручений и пр.) [Цааджин бичиг, 1998. С. 55—58, 67—68, 84—85; Бичурин, 1828. С. 203—206, 208—213, 235—236, 242—260]. Тот факт, что эти положения не просто носили декларативный характер, а реально применялись в Монголии, причем весьма широко, подтверждается другими историческими источниками — в частности небезызвестным сочинением «Илэтхэл шастир», представляющим собой роспись монгольской знати по административно-территориальным единицам с подробным фиксированием титулов каждого из членов правящих династий, обстоятельств получения этих титулов и пр. [Илтгэл шастир, 2007; Успенский, 1987], и «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольских кочевьях») [Попов, 1895], т. е. подтверждается и монгольскими, и китайскими документальными материалами и свидетельствами современников. Немало аналогичных документов хранится и в архивах⁵. Именно эти отработанные в течение нескольких веков нормативные правила китайские власти решили использовать и в отношениях с казахскими вассалами.

В регулировании отношений с казахскими правителями власти империи Цин использовали преимущественно императорские указы — собственно, как и на раннем этапе выстраивания своих отношений с монгольскими правителями, признавшими вассалитет от «Богдо-хана», т. е. маньчжурского императора. Ни о какой отдельной китайской кодификации для регулирования отношений с казахами нам не известно. По всей видимости, создания таковой и не предполагалось — ведь вышеупомянутое «Уложение Палаты внешних сношений» со временем стало распространяться не только на монголов, но также и на тибетцев, и на население Восточного Туркестана (Синьцзяна), так что есть основания считать, что китайские власти со временем, по мере укрепления контроля над Казахстаном, намеревались распространить его положения и на казахских вассалов, возможно, выделив в Лифаньюань соответствующий департамент, — как это было сделано в отношении вышеупомянутых Внутренней Монголии, Тибета, Восточного Туркестана.

⁵ В качестве примера можно упомянуть исследование В. Л. Успенского о карьере одного из монгольских правителей при цинском дворе, представленное на конференции «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки» в апреле 2013 г. [Успенский, 2013].

Первые непосредственные контакты империи Цин с Казахстаном объяснялись участием казахских предводителей в событиях, связанных с восстанием джунгарского правителя Амурсаны, причем позиция, занятая казахскими ханами и султанами, совершенно не устраивала цинские власти [Цинская империя, 1989а. С. 60—61, 72—73]. Тем не менее масштабного открытого конфликта удалось избежать (хотя мелкие стычки между казахскими и состоящими на цинской службе монгольскими отрядами неоднократно имели место), и после подавления восстания Амурсаны и ликвидации Джунгарии империя Цин, можно сказать, «унаследовала» от упраздненного ханства претензии на контроль над казахскими жузами [Историко-культурный атлас, 2011. С. 50].

Интересно отметить, что сами казахские лидеры, султаны Среднего жуза Аблай и Абулфайз, в 1757 г. поставили перед имперскими властями вопрос о своем вассалитете и о принятии титулов, используемых в цинской иерархии. Китайские власти прекрасно отдавали себе отчет, что речь идет не о простых почетных званиях: казахские правители, имея представление об имперской титулатуре и связанных с ней правовых последствиях, несомненно, намеревались пользоваться ожидаемыми привилегиями в контактах с пограничными властями — в частности, в торговых отношениях и пр., поэтому поначалу весьма осторожно отреагировали на подобную инициативу. Император Цяньлун в послании Аблаю и Абулфайзу ответил, что присвоение титулов повлечет за собой обязанность постоянно служить ему, поэтому «позволил» казахам жить по своим законам и в своих кочевьях, охарактеризовав их как «далеко проживающих внешних вассалов» (*вай фань*) [Цинская империя, 1989а. С. 143—144; Хафизова, 1973. С. 12]. Тем не менее уже в 1760-е гг. и Аблай, и Абулфайз в официальной переписке титуловались ванами, а их сыновья — гунами и тайджи [Noda, Opuma, 2010. P. 17—27, 52—57, 62—66]. Кроме того, цинские власти позволяли ряду казахских правителей именоваться в своих владениях ханами — в том числе и тем, чье ханское достоинство не признавали российские власти. Таким образом, создавалась довольно парадоксальная ситуация, когда Китай, не являясь открытым врагом Российской империи, тем не менее распространял свое влияние на подвластный России Казахстан, жалуя казахским правителям титулы, принятие которых в глазах российских властей, в свою очередь, могло быть истолковано как государственная измена.

Кто же из казахских правителей и почему осмеливался пойти на такой шаг и признать себя вассалом империи Цин в обмен на монарший титул? Как правило, это были энергичные и амбициозные члены казахского ханского рода, которые имели серьезные основания претендовать на ханский титул (в силу происхождения или личного влияния в казахских жузах), однако по разным причинам не признавались в ханском достоинстве со стороны российских властей. Одним из первых в ханском достоинстве со

стороны Китая был признан вышеупомянутый Аблай, который претендовал на ханскую власть уже с 1750-х гг., в 1771 г. был провозглашен ханом представителями всех трех жузов, но долго не получал утверждения в ханском достоинстве от российских властей и потому решил апеллировать к китайскому богдыхану, которого именовал в своих посланиях «Верховным великим ханом», себя же признавал его «албату», т. е. податным [Noda, Onuma, 2010. P. 12, 40]. Китайские власти, желая воспользоваться возможностью распространить свою власть на казахов, с готовностью признали за Аблаем ханский титул, заодно присвоив ему также и княжеский титул в цинской имперской иерархии⁶. Сын Аблая, султан Вали, сразу после смерти отца вступил в контакт с империей Цин и заручился подтверждением своего ханского статуса и от китайских властей, а в 1800 г. император Цзяцин официально утвердил его сына Габбас-султана в качестве наследника отца, пожаловав ему титул гуна [Цинская империя, 1989б. С. 103, 126; Noda, 2011. P. 68]. Соратник Аблая, другой влиятельный правитель казахского Среднего жуза султан Абулфайз, также присягнувший на подданство России и вместе с тем выражавший верноподданство империи Цин, тоже обладал титулом вана. Сыновья же его получили от цинских властей менее высокие титулы: Бопу — тайджи (царевича), а Джучи — гуна (князя) [Noda, Onuma, 2010. P. 53—57, 61]. Брат Абулфайза, Болат, признавался китайцами в ханском достоинстве в последней четверти XVIII в. [Ерофеева, 2001. С. 115].

Чтобы предупредить возможную откочевку казахов под предводительством Аблая и его семейства из Российской империи в Китай, российские власти, в свою очередь, выразили поддержку Аблаю, признав его, наконец, в 1778 г. в ханском достоинстве и позволив ему передать ханский престол его старшему сыну Вали⁷. Представители других султанских родов остались недовольны предпочтением российских властей рода Аблая и, в свою очередь, постарались найти поддержку со стороны китайцев. Очень активно действовали в этом направлении сыновья весьма влиятельного султана (затем хана) Борака — Даир и Хан-Ходжа. Первый из них соперничал еще с Аблаем за власть в Среднем жузе, подчеркивая, что, в отличие от последнего, является ханским сыном, внуком, правнуком и т. д. [Ерофеева, 2003. С. 78—

⁶ Примечательно, что еще в 1759 г. оренбургские власти предлагали Аблаю принять ханский титул, но требовали взамен значительное число заложников в обеспечение его верности России, на что султан пойти не захотел и от предложения отказался [Андреев, 1998. С. 36, примеч. 30].

⁷ Интересно отметить, что цинские власти отказались признавать Аблая подданным Российской империи: в декабре 1779 г. был даже издан специальный указ императора Цяньлуна, в котором он заявлял, что относительно перехода Аблая в российское подданство «нам остается делать вид, что об этом не знаем и не считаем нужным выражать свое мнение» [Цинская империя, 1989б. С. 101].

79]. Не добившись желаемого, Даир самовольно провозгласил себя ханом, обратившись за признанием к китайскому императору [Андреев, 1998. С. 37; Noda, Onuma, 2010. P. 49—50]. Его брат Хан-Ходжа после смерти отца был усыновлен в четырехлетнем возрасте вышеупомянутым султаном Абулфайзом, после смерти которого был в 1783 г. избран в ханы, получив также китайский титул вана, т. е. имперского князя [Цинская империя, 1989б. С. 111—112]. Примечательно, что русские (оренбургские) власти хотя и не признавали его в ханском достоинстве, но в течение всего периода его правления поддерживали с ним контакты — так же как и империя Цин [Андреев, 1998. С. 42; Ерофеева, 2001. С. 130; Noda, 2011. P. 67]. После смерти Хан-Ходжи, в 1799 г., указом императора Цзяцина его наследником с ханским титулом был признан его сын Джан-Ходжа, естественно, также в глазах российских властей считавшийся узурпатором.

Последним ханом в подвластных России казахских владениях, попытавшимся сделать ставку на Китай, стал Губайдулла — сын Вали и внук Аблая. Он был избран в ханы Среднего жуза по смерти отца, в 1822 г., однако как раз в это время был введен в действие «Устав о сибирских киргизах», которым упраздняясь ханская власть в Среднем жузе, а вместо ханов вводились должности окружных и волостных султанов, избираемых самими казахами, но фактически подконтрольных российским пограничным властям [Материалы, 1960. С. 94—95]. Поэтому, даже не попытавшись получить подтверждение своего ханского достоинства от российских властей, Губайдулла сразу после избрания отправил прошение об утверждении его статуса ко двору императора Цин, каковое и было удовлетворено [Цинская империя, 1989б. С. 128; Noda, 2011. P. 69]. Между тем российские власти уже успели провести инициированную автором «Устава» М. М. Сперанским административную реформу в Среднем жузе и назначили Губайдулла ага-султаном, т. е. главой одного из вновь созданных округов. Тем не менее он продолжал ожидать цинское посольство, которое и прибыло летом 1824 г., чтобы официально короновать хана. Тогда русские власти силой заставили Губайдулла подписать и передать китайским послам заявление о сложении с себя ханского титула, после чего неблагонадежный вассал был взят российской администрацией под арест [Цинская империя, 1989б. С. 133—147; Ерофеева, 2001. С. 137; Стрелкова, 1983. С. 14—15; Noda, 2011. P. 71—77]. Еще в 1830-е гг. российская администрация выражала обеспокоенность по поводу контактов султанов из дома Аблая и других бывших ханских семейств с империей Цин и получения от нее титулов, которые в глазах русских имперских властей являлись незаконными и свидетельствовали не только об узурпации власти, но и фактически о государственной измене [Коншин, 1900. С. 54—56].

После вынужденного отказа Губайдуллы от дарованного ему ханского титула власти империи Цин попытались возвести на ханский трон еще одного

своего ставленника — Алтынсары (сына Болат и племянника Абулфайз-султана), который титуловался ханом и регулярно обменивался посланиями с пекинским двором вплоть до 1854 или 1855 г., когда решил уступить ханский титул своему племяннику Шортану. Последний в течение некоторого времени воспринимался Цинами как узурпатор, однако позднее они признали и его в ханском достоинстве. Впрочем, в отличие от потомства ханов Аблая и Абулфайза, эти последние ставленники империи Цин на казахском троне большим влиянием не пользовались и проводниками китайской политики в Казахстане так и не стали. Шортан вообще проживал вне пределов русского Казахстана: его владения располагались в подконтрольных Китаю областях Тарбагатай и Кобдо [Цинская империя, 1989а. С. 30—32; Noda, Onuma, 2010. P. 75—80, 136—137].

Таким образом, как видим, практика поддержки Китаем казахских правителей, которым российские власти отказывали в ханском достоинстве, органически вписывалась в их правовую политику по отношению к казахским вассалам. И продолжалась она до 1860-х гг., когда последние родственники Абулфайза, претендовавшие на ханский титул в областях, подконтрольных империи Цин, сошли с политической сцены.

Надо отметить, что многие последствия принятия казахами цинского подданства (также нашедшие отражение в изучаемых документах) соответствуют тем, что вошли в правовые акты, которыми оформлялось и их вхождение в подданство российской. Так, например, казахским правителям запрещалось совершать набеги на других подданных империи Цин — в частности, урянхайцев и жителей Восточного Туркестана (точно так же, как российские власти запретили взаимные набеги казахов и башкир, казаков и калмыков) [Цинская империя, 1989б. С. 10—11, 20—21, 56—58; Материалы, 1960. С. 12—13]. Кроме того, цинские власти неоднократно предписывали своим казахским вассалам собирать войска для участия в военных действиях империи [Цинская империя, 1989б. С. 74—75]; аналогичные положения содержались и в первых российских императорских грамотах казахским ханам [Материалы, 1960. С. 12—13], однако казахи, как правило, игнорировали такие требования и российской, и китайской стороны.

Закреплялся вассалитет казахских султанов от империи Цин традиционными для «кочевых империй» символическими (и не только символическими) действиями — уплатой дани и отправкой ко двору сюзерена заложников. Так, в посланиях казахских султанов неоднократно фигурирует термин *тарту* в значении ‘дань’ (маньчжурское *белек/белге*) [Noda, Onuma, 2010. P. 29, 76—78], которая передавалась пограничным властям для императора Цин. Судя по контексту упоминания, она вполне может быть соотнесена с монгольской «девяткой», также являвшейся символической данью маньчжурским императорам еще с XVII в. [Цааджин бичиг, 1998. С. 60—61; Бичурин, 1828. С. 243]. Еще больше сбли-

жает статус казахов с подчиненными Цин монголами и тот факт, что сами казахи именуют себя монгольским словом «албату», т. е. податным по отношению к их китайскому сюзерену сословием. Что же касается заложников, то и Аблай, и Абулфайз, и другие казахские правители неоднократно делали попытки отправить своих сыновей к императорскому двору, однако цинские власти «великодушно» отправляли их обратно [Цинская империя, 1989б. С. 86]. По-видимому, китайские правители и сановники были уверены, что казахские ханы и султаны и без такой гарантии сохранят верность империи Цин — для этого у них было немало оснований.

Во-первых, казахские правители получали право общаться практически на равных с цинской пограничной администрацией, кроме того, им регулярно доставлялись причитающиеся им атрибуты власти (специальные головные уборы, одеяния и пр.), а также жалованье. Так, например, при установлении первых контактов империи Цин с султанами Аблаем и Абулфайзом им обоим была пожалована богатая одежда, а также были вручены иные подарки самим правителям и их приближенным на сумму 1000 лянов серебра. Во время прибытия в Пекин посольства Аблая в 1768 г. ему были переданы «по одному куску шелка, расшитого драконами, и декоративной ткани, по два куска парчи в 8 нитей, атласа в 5 нитей» [Цинская империя, 1989а. С. 144; 1989б. С. 80]. Кроме того, казахи получали значительные льготы на ведение торговли с китайскими партнерами: на них как на подданных китайских императоров, пусть и из числа «далеко проживающих внешних вассалов», не распространялись многочисленные таможенные обременения и пр. [Цинская империя, 1989б. С. 53—54].

Во-вторых, не приходится сомневаться, что казахские правители использовали свой вассалитет от империи Цин, равно как и получаемые от нее титулы, как средство давления на своих «прежних» сюзеренов — российских монархов и, в особенности, их региональных представителей. Специфика представлений кочевников о подданстве состояла в том, что если, по их мнению, сам сюзерен не исполнял обязанностей покровителя, защитника и дарителя в отношении вассала, вполне естественно было отказаться от повиновения ему и найти другого могущественного сюзерена. Именно так поступали в XVII—XVIII вв. сибирские и алтайские «двоеданцы» и «троеданцы», которые «на всякий случай» обеспечивали себе покровительство сразу нескольких могущественных государств⁸. Теперь эту же практику использовали и казахские правители.

Что же побудило казахских ханов и султанов отказать в конце концов от вассальной зависимости от Китая? По-видимому, то, что российские власти, с одной стороны, предприняли активные меры по уси-

⁸ Это явление подробно рассмотрено О. Б. Борониным и В. В. Трепавловым [Боронин, 2003; Трепавлов, 2007. С. 145—180].

лению контроля над своими ненадежными вассалами, но с другой — постарались учесть и использовать китайский опыт в отношении казахских предводителей.

«Монгольский опыт» империи Цин по управлению кочевыми вассалами, несмотря на многовековую традицию, имел не только достоинства, но и недостатки. Сильной стороной политики Китая была именно политика интеграции своих кочевых вассалов в имперскую структуру — присвоение титулов, выплата причитавшегося жалования, пожалование особых символов, одеяний и пр., многократно опробованные на его монгольских подданных. Все это позволяло даже отдаленным кочевым вассалам считать себя частью имперской элиты, что подкреплялось даже периодическими поездками отдельных казахских правителей в Пекин для встречи с императором (опять же — подобно монгольским вассалам империи Цин). Российские власти до поры до времени не предпринимали попыток интеграции казахских ханов и султанов в имперскую управленческую структуру — напротив, старались всячески ограничить их контакты с центральными властями империи, официально сведя их до уровня региональной (сначала — оренбургской, а затем — и западносибирской) администрации [Казахско-русские отношения, 1961. С. 117—118].

Однако со временем Российская империя, которую, конечно же, весьма беспокоили попытки Китая установить контроль над ее казахскими подданными, сменила свою политику в отношении казахской элиты. Уже во второй половине XVIII в. российские имперские власти начали постепенный процесс интеграции казахской правящей элиты в имперскую саронную структуру, завершившийся в середине XIX в., тем самым предложив «альтернативу» казахским ваянам и гунам в виде прав, льгот и привилегий российских имперских чиновников. Думается, не случайно первые шаги в этом направлении были предприняты уже в начале 1770-х гг., т. е. буквально сразу же после того, как империя Цин впервые даровала свои титулы казахским правителям — хану Абу-л-Мамбету и султану Аблаю. Так, в датированном 1770 г. «патенте» Екатерины II хану казахского Младшего жуза Нурали, подтверждавшем его ханское достоинство, предписывалось всем подданным императрицы (не только казахам!) «в сем достоинстве его признавать и пристойное по тому при всяких случаях отдавать ему почтение» [Казахско-русские отношения, 1961. С. 695]. В еще большей степени этот процесс активизировался на рубеже XVIII и XIX вв., когда представители казахской элиты (причем не только ханы и султаны, но и родоплеменные вожди — *бии*) стали получать российские имперские чины и титулы, соответствующее жалование и привилегии в соответствии с Табелью о рангах [Материалы, 1940. С. 83; 1960. С. 95—96].

Не желая перехода казахов под влияние Китая, русские власти, в свою очередь, утвердили за Аблаем ханское достоинство — правда, только в одном

Среднем жузе [Абуев, 2012. С. 117—118]. Тем самым из узурпатора и субъекта двойного подданства Аблай официально превратился в хана-вассала Российской империи, это, впрочем, не мешало ему осуществлять практически абсолютную власть над подвластными казахами, что отмечал в свое время еще его правнук Чокан Валиханов [Валиханов, 1985. С. 116]⁶. Российские власти в знак признания заслуг Аблая сразу же после его смерти признали и утвердили в ханском достоинстве его сына Вали, который, как уже упоминалось, вслед за отцом принял ханский титул от китайского императора. Впрочем, поскольку официальное подтверждение его в ханском статусе со стороны России состоялось позже, чем со стороны Цин, российские власти не поставили под сомнение его законность и лояльность и даже напротив — в течение всего его правления неоднократно поддерживали даже в конфликтах с собственными подданными [Ерофеева, 2001. С. 129]. Любопытно отметить, что Вали-хан, как бы оправдывая доверие сюзерена, сам постоянно сообщал российским властям о своих контактах с Китаем [Цинская империя, 1989б. С. 107].

Зато слабой стороной цинской политики (также основанной на опыте взаимодействия с монгольскими вассалами и подданными) было зафиксированное казахскими исследователями невмешательство во внутреннюю жизнь кочевых вассалов. Соблюдая внешне уважение к кочевой знати — членом своей имперской элиты, китайские власти принципиально не вторгались в их внутреннюю жизнь, позволяя сохранять свои законы, образ жизни, экономику и социальное устройство. Требуя выплаты дани и предоставления войск, китайские власти ничего не предоставляли казахским правителям взамен, кроме символических подарков вассалам и возможности «дипломатического давления» на российскую администрацию. Эта политика, называемая в Китае *жоу юань* ('мягкое отношение к дальним'), была весьма характерной для империи Цин применительно к их фактическим кочевым подданным, в частности монголам, и была сочтена оптимальной для казахов [Хафизова, 1973. С. 14—15].

Демонстративному китайскому невмешательству во внутренние дела своих кочевых вассалов российские власти противопоставили политику, характерную и для других кочевых регионов империи, организовали строительство крепостей, дорог, обеспечивали развитие торговых маршрутов через казахские степи [Касымбаев, Басин, 1978], активно участвовали в разрешении конфликтов как внутри Казахстана, так и между казахами и соседними народами и государствами [Перфильев, 2011], оказывали медицинские услуги (в частности по прививанию оспы и пр.) [Материалы, 1960. С. 104]. Со временем, как известно, начались радикальные преобразования в сфере центрального и регионального управления, налогообложения, суда и т. д. Естественно, далеко не все эти реформы имели успех и вызывали исключительно положительное отношение со стороны казахов,

однако они свидетельствовали о намерении сблизить местное население с другими подданными Российской империи, чего никогда не пытались сделать власти империи Цин. Таким образом, Российская империя решила взять на вооружение сильные стороны китайской политики в Казахстане и обратить ее слабые стороны против самих же китайских властей.

Кроме того, нельзя не отметить, что казахов могла серьезно беспокоить политика китайских властей в отношении Восточного Туркестана (Синьцзяна). Как раз в середине XVIII—середина XIX в., т. е. именно в тот период, когда империя Цин активно пыталась установить свой сюзеренитет над Казахстаном, Восточный Туркестан постоянно сотрясали антикитайские выступления, с неизменной жестокостью подавляемые цинскими властями. Казахи, во-первых, были мусульманами, как и большинство населения Синьцзяна, во-вторых, ряд казахских правителей (начиная с султана Аблая в середине XVIII в. и заканчивая его правнуком султаном Садыком во второй половине XIX в.) принимали активное участие в этих восстаниях и, следовательно, не понаслышке знали о политике Китая по отношению к тем вассалам, которые выражали недовольство его политикой [Кенесарин, 1889. С. 62—67, 77—83].

Все эти факторы, несомненно, вызвали кризис китайской правовой политики по отношению к казахским вассалам и предопределили отказ империи

Цин от попыток установления контроля над Казахстаном. Юридически этот отказ был оформлен, как принято считать, в результате подписания торгового договора с Российской империей в 1851 г. (так называемый Кульджинский трактат), согласно ст. 6 которого китайское правительство обязывалось не вмешиваться в конфликты, возникающие между подданными Российской империи и «киргизами», т. е. казахами [Сборник действующих трактатов, 1902. С. 243; Ибраев, 1954. С. 8]. И хотя даже после этого de-facto империя Цин продолжала претендовать на контроль над некоторыми казахскими территориями и признавать претензии на власть отдельных казахских султанов — вышеупомянутых Алтынсары и его племянника Шортана, эти деятели уже не пользовались влиянием в Казахстане. Их признание в достоинстве ханов (ванов) со стороны империи Цин уже не вызывало беспокойства со стороны Российской империи, сумевшей, как мы увидели, успешно противопоставить консервативному «монгольскому опыту» властей империи Цин свой новый подход к управлению кочевыми подданными и принципу политики «жоу юань» более перспективную политику фронтальной модернизации и интеграции в имперское политико-правовое пространство, направленную на постепенное сближение казахов с остальным населением империи в правах, уровне развития, управлении и т. д.

Литература

- Абуев 2012: *Абуев К. К.* Хан Абылай: выдающийся государственный деятель, полководец, дипломат // История Казахстана: итоги науч. исслед. и презентация проекта десятилетней «Отан тарихы» / «История Отечества»: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 19 апреля 2012 г. Алматы, 2012. С. 112—120 (*Abuev K. K.* Khan Abylai: vydayuszhiiys'a gosudarstvennyi deyanel' polkovodets, diplomat // Istoriya Khazahstana: itogi nauchnyh issledovaniy i prezentatsiya proekta dec'atitomnoi «Otan Tarikhi» / «Istoriya Otechestva»: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Almaty, 19 aprel'a 2012 g. Almaty, 2012. S. 112—120).
- Андреев, 1998: *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998 (*Andreev I. G.* Opisaniye Srednei Ordy kirgiz-kaysakov. Almaty, 1998).
- Аполлова, 1960: *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960 (*Apollova N. G.* Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII—nachale XIX v. M., 1960).
- Барфилд, 2009: *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э.—1757 г. н. э.) / Пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и предисл. Д. В. Рухлядева. СПб., 2009 (*Barfild T.* Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n. e.—1757 g. n. e.) / Per. s angl. D. V. Rukhlyadeva, V. B. Kuznetsova; predisl. D. V. Rukhlyadev. SPb., 2009).
- Бекмаханов, 1957: *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957 (*Bekmakhanov E. B.* Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii. M., 1957).
- Бекназаров, 1969: *Бекназаров Р.* Юг Казахстана в составе Кокандского ханства и его присоединение к России: Автореф. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1969 (*Beknazarov R.* Yug Kazakhstana v sostave Kokandskogo khanstva i ego prisoedinenie k Rossii: Avtoref. ... kand. ist. nauk. Alma-Ata, 1969).
- Бичурин, 1828: *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. СПб., 1828 (*Bichurin N. Ya.* Zapiski o Mongolii, sochinennye monakhom Iakinfom. T. II. SPb., 1828).
- Боронин, 2003: *Боронин О. В.* Двоедничество в Сибири. Барнаул, 2003 (*Boronin O. V.* Dvoedannichestvo v Sibiri. Barnaul, 2003).
- Валиханов, 1985: *Валиханов Ч. Ч.* Аблай // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1985 (*Valikhanov Ch. Ch.* Ablay // Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. 4. Alma-Ata, 1985).
- Ерофеева, 2001: *Ерофеева И. В.* Символы казахской государственности (средневековье и новое время). Алматы, 2001 (*Erofeeva I. V.* Simvoly kazakhskoy gosudarstvennosti (srednevekov'e i novoe vremya). Almaty, 2001).
- Ерофеева 2003: *Ерофеева И. В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII—XIX вв. Алматы, 2003 (*Erofeeva I. V.* Rodoslovnye kazakhskikh khanov i kozha XVIII—XIX vv. Almaty, 2003).
- Зиманов, 1960: *Зиманов С. З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960 (*Zimanov S. Z.* Politicheskii stroy Kazakhstana kontsa XVIII i pervoy poloviny XIX vekov. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1960).

- Ибраев, 1954: *Ибраев А.* Присоединение казахов Старшего жуза к России и его прогрессивное значение: Автореф. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1954 (*Ibraev A.* Prisoedinenie kazakhov Starshego zhuza k Rossii i ego progressivnoe znachenie: Avtoref. ... kand. ist. nauk. Alma-Ata, 1954).
- Илтгэл шастир, 2007: Зарлигаар тогтоосон гадаад монгол, хотон аймгийн ван гүргүүдийн илтгэл шастир / Ред. А. Очир. Улаанбаатар, 2007 (Zarligaar togtsooson gadaad mongol, khoton aumgiyn van gurguydiyn iltgel shastir / Ed. by A. Ochir. Ulaanbaatar, 2007).
- Историко-культурный атлас, 2011: Историко-культурный атлас казахского народа / Отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы, 2011 (Istoriko-kul'turnyy atlas kazakhskogo naroda / Otv. red. I. V. Erofeeva. Almaty, 2011).
- Казахско-русские отношения, 1961: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961 (Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI—XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov). Alma-Ata, 1961).
- Кенесарин, 1889: *Кенесарин А.* Султаны Кенисара и Садых / Примеч. Е. Т. Мирнова. Ташкент, 1889 (*Kenesarin A.* Sultany Kenisara i Sadyk / Prim. E. T. Mirnova. Tashkent, 1889).
- Кляшторный, Султанов, 2009: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009 (*Klyashpornyy S. G., Sultanov T. I.* Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Ot drevnosti k Novomu vremeni / 3-e izd. SPb., 2009).
- Китайские документы, 1994: Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV—XIX вв. Алматы, 1994 (*Kitayskie dokumenty i materialy po istorii Vostochnogo Turkeстана, Sredney Azii i Kazakhстана XIV—XIX vv.* Almaty, 1994).
- Касымбаев, Басин, 1978: *Касымбаев Ж. К., Басин В. Я.* Роль крепостей Восточного Казахстана в развитии русско-казахских отношений в период Джунгарской агрессии // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 54—60 (*Kasymbaev Zh. K., Basin V. Ya.* Rol' krepostey Vostochnogo Kazakhстана v razvitii russko-kazakhskikh otnosheniy v period Dzhungarskoy agressii // Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii dorevolutsionnogo Kazakhстана. Alma-Ata, 1978. S. 54—60).
- Кутлуков, 1982: *Кутлуков М.* Взаимоотношения цинского Китая с Кокандским ханством // Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982 (*Kutlukov M.* Vzaimootnosheniya tsinskogo Kitaya s Kokandskim khanstvom // Kitay i sosedi v novoe i noveyshee vremya. M., 1982).
- Кычанов, 2010: *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010 (*Kychanov E. I.* Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov) / 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 2010).
- Левшин, 1996: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996 (*Levshin A. I.* Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey. Almaty, 1996).
- Липовцев, 1828: *Липовцев С.* Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1—2. СПб., 1828 (*Lipovtsev S.* Ulozhenie Kitayskoy palaty vneshnikh snosheniy. T. 1—2. SPb., 1828).
- Материалы, 1940: Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV (1785—1828 гг.). М.; Л., 1940 (Materialy po istorii Kazakhskoy SSR. T. IV (1785—1828 gg.). M.; L., 1940).
- Материалы, 1960: Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Алма-Ата, 1960 (Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhстана. T. I. Alma-Ata, 1960).
- Мелихов, 1974: *Мелихов Г. В.* Экспансия Цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII—XVIII веках // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 55—73 (*Melikhov G. V.* Ekspansiya Tsinskogo Kitaya v Priamur'e i Tsentral'noy Azii v XVII—XVIII vekakh // Voprosy istorii. 1974. № 7. S. 55—73).
- Моисеев, 1991: *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи XVII—XVIII вв. Алма-Ата, 1991 (*Moiseev V. A.* Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi XVII—XVIII vv. Alma-Ata, 1991).
- Моисеев, 1998: *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998 (*Moiseev V. A.* Rossiya i Dzhungarskoe khanstvo v XVIII v. Barnaul, 1998).
- Моисеев, 2003: *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003 (*Moiseev V. A.* Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina XIX v. — 1917 g.). Barnaul, 2003).
- Перфильев, 2011: *Перфильев А. Л.* Межродовые конфликты казахов и их урегулирование (80-е гг. XVIII в.—60-е гг. XIX в.). Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 2011 (*Perfil'ev A. L.* Mezhhodovye konflikty kazakhov i ikh uregulirovanie (80-e gg. XVIII v.—60-e gg. XIX v.). Avtoref. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2011).
- Попов, 1895: [*Попов П. С.*] Мэнь-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях: Пер. с кит. СПб., 1895 ([*Popov P. S.*] Men'-gu-yu-mu-tsz. Zapiski o mongol'skikh kochev'yakh. Perevod s kitayskogo. SPb., 1895).
- Пюрбеев, 2012: *Пюрбеев Г. Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга, 2012 (*Pyrbeev G. Ts.* Pamyatnik mongol'skogo prava XVIII v. «Khal'kha Dzhirum». Leksika. Grammatika. Transliterationsiya teksta. M.; Kaluga, 2012).
- Сатенова, 2011: *Сатенова М. Р.* О взаимоотношениях казахской знати Семиречья с российской администрацией (50—60-е гг. XIX в.) // Отан тарихы. 2011. № 1 (53) (*Satenova M. R.* O vzaimootnosheniyakh kazakhskoy znati Semirech'ya s rossiyskoy administratsiyey (50—60-e gg. XIX v.) // Otan tarikhy. 2011. № 1 (53)).
- Сборник действующих трактатов, 1902: Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими державами. Т. I. 2-е изд. СПб., 1902 (Sbornik deystvuyushchikh traktatov, konventsiy i soglasheniy, zaklyuchennykh Rossiyey s drugimi derzhavami. T. I. 2-e izd. SPb., 1902).
- Стрелкова, 1983: *Стрелкова И. И.* Валиханов. М., 1983 (*Strelkova I. I.* Valikhanov. M., 1983).
- Трепавлов, 2007: *Трепавлов В. В.* Белый царь. Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007 (*Trepavlov V. V.* Belyy tsar'. Obraz monarkha i predstavlenii o poddanstve u narodov Rossii XV—XVIII vv. M., 2007).
- Успенский, 1987: *Успенский В. Л.* «Илтэхэл шастир» о происхождении монгольских и ойратских княжеских родов // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 148—165 (*Uspenskiy V. L.* «Iltkhel shastir» o proiskhozhdenii mongol'skikh i oyratskikh knyazheskikh rodov // Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki. Vyp. 10. 1987. S. 148—165).
- Успенский, 2013: *Успенский В. Л.* Карьера князя Дондубдорджи как отражение политики династии Цин в от-

- ношении Халха-Монголии // XVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. „Традиционализм“ и „революционизм“ на Востоке». 24—26 апреля 2013 г. СПб., 2013. С. 206—207 (*Uspenskiy V. L. Kar'era knyazyza Dondubdordzhi kak otrazhenie politiki dinastii Tsin v otnoshenii Khalkha-Mongolii // XVII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki «Lokal'noe nasledie i global'naya perspektiva. “Traditsionalizm” i “revolyutsionizm” na Vostoke». 24—26 aprelya 2013 g. SPb., 2013. S. 206—207).*
- Халха Джирум, 1965: Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. / Пер. Ц. Жамцарано; ред., введ. и примеч. С. Д. Дылыкова. М., 1965 (*Khalkha Dzhirum: Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v. / Per. Ts. Zhamtsarano; red., vved. i primech. S. D. Dylykov. M., 1965).*
- Хафизова, 1973: *Хафизова К. Ш. Взаимоотношения Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII века: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1973 (Khafizova K. Sh. Vzaimootnosheniya Tsinskoy imperii s kazakhskimi khanstvami vo vtoroy polovine XVIII veka: Avtoref. ... kand. ist. nauk. M., 1973).*
- Хафизова, 1995а: *Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.). Алматы, 1995 (Khafizova K. Sh. Kitayskaya diplomatiya v Tsentral'noy Azii (XIV—XIX vv.). Almaty, 1995).*
- Хафизова, 1995б: *Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV—XIX вв.): Автореф. ... докт. ист. наук. М., 1995 (Khafizova K. Sh. Kitayskaya diplomatiya v Tsentral'noy Azii (XIV—XIX vv.): Avtoref. ... doktora ist. nauk. M., 1995).*
- Хафизова, 2007: *Хафизова К. Ш. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы, 2007 (Khafizova K. Sh. Kazakhskaya strategiya Tsinskoy imperii. Almaty, 2007).*
- Хохлов, 2002: *Хохлов А. Н. Монголист Василий Новоселов и его перевод «Лифаньюань Цзэ-ли» // История и культура Востока Азии / Материалы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9—11 декабря 2002 г.). Том 1. Новосибирск, 2002 (Khokhlov A. N. Mongolist Vasily Novoselov i ego perevod «Lifan'yuan' Tsze-li» // Istoriya i kul'tura Vostoka Azii / Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Novosibirsk, 9—11 dekabrya 2002 g.). Tom 1. Novosibirsk, 2002).*
- Цааджин бичиг, 1998: Цааджин бичиг. Цинское законодательство для монголов 1627—1694 / Введ., пер. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1998 (*Tsaadzhin bichig. Tsinskoe zakonodatel'stvo dlya mongolov 1627—1694 / vved., per. i comment. S. D. Dylykova. M., 1998).*
- Цинская империя, 1989а: Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII—первая треть XIX в. / Сост. К. Ш. Хафизова, В. А. Моисеев. Ч. 1. Алма-Ата, 1989 (*Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII—pervaya tret' XIX v. / Sost. K. Sh. Khafizova, V. A. Moiseev. P. 1. Alma-Ata, 1989).*
- Цинская империя, 1989б: Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII—первая треть XIX в. / Сост. К. Ш. Хафизова, В. А. Моисеев. Ч. 2. Алма-Ата, 1989 (*Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII—pervaya tret' XIX v. / Sost. K. Sh. Khafizova, V. A. Moiseev. H. 2. Alma-Ata, 1989).*
- Cleaves, 1986: *Cleaves F. W. A Mongolian rescript of the Fifth year of Degedu Erdem-tu (1640) // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 46, nr 1. Jun. 1986. P. 181—200.*
- Courant, 1912: *Courant M. L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Lyon, 1912.*
- Di Cosmo, 2012: *Di Cosmo N. From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest // Frontiers of History in China. 2012. Vol. 7, nr 2.*
- Løvold, 2009: *Løvold T. O. The Qing and Russia in Central Asia: A Comparative Study of Motives for Political Expansion. M. D. Oslo, 2009.*
- Newby, 2005: *Newby L. J. The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760—1860. Leiden; Boston, 2005.*
- Noda, 2011: *Noda J. Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The Case of Sultan Ghubaydulla in 1824 // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko, nr 68. 2011.*
- Noda, Onuma, 2010: *Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // TIAS Central Eurasian Research Series. Special Issue 1. The University of Tokyo, 2010.*
- Perdue, 2005: *Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Asia. Cambridge; London, 2005.*
- The Cambridge History, 2009: *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age / Ed. by N. Do Cosmo, A. J. Frank and P. B. Golden. Cambridge, 2009.*

R. Yu. Pochekaev

Kazakh wangs and gongs: «Mongolian experience» of Qing Empire as an alternative to the Russian governance in Kazakhstan of the second half of 18th—middle of the 19th cc. (legal aspects)

Author characterizes the legal aspects of Qing Empire's governance in Kazakhstan since the second half of the 18th to middle of the 19th cc. Author finds that Chinese authorities widely used in relations with Kazakh rulers their experience in governance of nomadic vassals, first of all, Mongols. Legal basis and administrative practice in Mongolia was transferred into Kazakhstan with all their strengths and weaknesses. Invariability of Chinese legal policy toward nomadic vassals during the ages firstly made their suzerainty attractive for Kazakh rulers but then advantages of Russian legal policy in the Kazakhstan became more clear, and Qing Empire had to lose its control over Kazakhstan to Russian Empire.

Key words: Qing Empire, Mongolia, Kazakh khanates, Russian Empire, nomadic vassals, Chinese law for Mongols, legal policy.